

М.В. Ливанова

Смоленский государственный университет

УДК 821.161.1:070

**Социальная журналистика Александра Беяева
(на материале газеты «Смоленский вестник»)**

Ключевые слова: *Александр Беляев; «Смоленский вестник»; социальная журналистика; повседневная жизнь провинции.*

В статье рассматривается журналистская деятельность Александра Беляева, писателя-фантаста, «советского Жюль Верна» в предреволюционный период (1906-1915). Основное внимание уделяется анализу малоизученных статей и заметок в газете «Смоленский вестник», связанных с проблемами социальной справедливости, культуры, образования, повседневной жизнью провинциального города. Исследуются такие аспекты социальной журналистики писателя, как социально-классовый, социально-культурный, социальная экспертиза.

В ряду литераторов, чей путь к читателю начался на страницах смоленских печатных изданий, особое место принадлежит Александру Романовичу Белову, «советскому Жюль Верну», автору 13 научно-фантастических романов. С 1906 до начала 1915 года он сотрудничал в частной городской газете «Смоленский вестник», основанной в 1878 году дворянином, владельцем типографии Алексеем Елишевым – массовом политическом, экономическом и литературном издании. За указанный период в нем было опубликовано 99 текстов А.Беляева. Они были введены в научный оборот в течение последних лет усилиями российского исследователя Анны Андриенко [4], израильского литературоведа Зеева Бар-Селлы [2] и смоленского краеведа Владимира Грибоедова [5].

Из 99 публикаций 67 – театрально-музыкальные рецензии, заметки, очерки под рубрикой «Театр и музыка», отразившие культурно-общественную жизнь города начала XX века, в которой сам Беляев

принимал активное участие. Эти материалы стали предметом нашего анализа на первом этапе исследования журналистской деятельности Беляева в «смоленский период» [3].

В отдельную группу – 16 публикаций – выделены тексты, которые можно отнести к социальной журналистике.

Местную газету в России невозможно представить без социальной проблематики с начала XIX века, когда, по мнению исследователя данной сферы Т.И.Фроловой, «еще не существовало представления о социальной политике как таковой, когда отсутствовала социальная политика как самостоятельное направление активности государства и общества» [6, с.38.]. Традиционно социальную журналистику воспринимают как совокупность текстов, отражающих проблемы неблагополучных, бедствующих, незащищенных слоев населения, что формирует узкое понимание явления [8, с.98]. Т.И.Фролова считает, что содержательная основа социальной журналистики «создается за счет реализации гуманитарной повестки дня - круга проблем, представляющих для человека сферу его жизненных интересов, отражение среды, в которой реализуются потребности человека, конкретную реальность, в которой он живет и действует» [6, с.56], то есть пространство человека. Функциональное своеобразие социальной журналистики - анализ любой информации с позиций общественного большинства, деятельность с целью помочь различным социальным группам, в т.ч. незащищенным, общественная экспертиза деятельности власти, нравственная оценка событий и ситуаций . Тематическая сфера социальной журналистики включает такие предметные области, как труд, социальная защита, образование, воспитание, семья, досуг, культура и наука и обслуживание их социальными институтами.

В корпусе исследуемых текстов Беляева можно выделить следующие предметно-функциональные аспекты: 1) социально-классовый; 2) социально-культурный; 3) социально-экспертный.

Социально-классовый аспект

В марте 1906 года Александр Беляев, 22-летний студент юридического Демидовского лицея в Ярославле, вернулся в Смоленск из-за длительного перерыва в учебных занятиях, связанного с участием студентов (и его самого) в революционных событиях и последующим конфликтом с руководством лицея. Уже 7 мая в «Смоленском вестнике» (№97) появилась публикация, ознаменовавшая начало его литературной деятельности – «О хлудовской фабрике (Рассказ рабочего)». Окончание было напечатано 8 мая (№98). Речь шла об условиях труда на Ярцевской прядильной мануфактуре, основанной в 1876 году московским фабрикантом Алексеем Хлудовым – крупнейшем предприятии Смоленской губернии. Эпиграф к тексту – «Все рабочие в убогости, а на них большие строгости» – был взят из «Фабричной камаринской».

Статья, начало которой напечатано без подписи, а окончание подписано «Б. Р-нь», подробно описывала бесправное положение 7000 человек – крестьян из близлежащих деревень. Неопределенный срок найма, низкие зарплаты (ткачей и прядильщиков – 16-17 рублей в месяц, мотальщиц – 5-7 рублей, мастера цеха – 200 рублей), штрафы и увольнения стали обычной практикой.

Очевидно, что анонимный повествователь был весьма осведомленным – назывались конкретные фамилии надсмотрщиков и подмастерьев, пострадавших рабочих. Явно очевидцем описаны и условия проживания в фабричных казармах: скученность, сырые стены, покрытые тараканами.

Авторская речь имитирует разговорную в изложении подробностей: «Пьянство сильно развито... На станции две пивных, в заводском Ярцеве четыре. Еще два трактира и монополька. Да еще на станции буфет. Дерутся промеж собой... Каждое воскресенье казарма на казарму на кулачках... В фабричной церкви о. Геронтий прогнал со скандалом диакона Иванова (дрались книгами в церкви во время обедни)». О детской смертности: «6-7

гробиков каждый день несут на погост». В больнице не хватает врачей и лекарств, питания для больных, и хотя при фабрике есть школа в красивом здании для 900 детей рабочих и библиотека, но «книг по общественным вопросам нет совсем».

На статью редакции ответил врач А.Н.Гончаров (№108. 18 мая), который, приводя цифры и факты, опроверг утверждение автора: детская смертность завышена в 10 раз, лекарства регулярно закупаются, питание соответствует научно обоснованным нормам. В заключение он предлагает автору «приехать в Ярцево, чтобы из документов, личного опроса и осмотров убедиться, как легкомысленно он отнесся к своим обязанностям корреспондента и как мутен был тот источник, из которого он почерпнул свои сведения».

Редакция не стала возражать – возможно, как из-за убедительной аргументации, так и из опасения раскрыть источник информации Беляева. По мнению З. Бар-Селлы [2, с.16], Беляев не поставил свое имя по причине недостаточной проверки сведений. Ссылка на «рассказ рабочего», персонаж-маску, стала своего рода индульгенцией, оправданием непрофессионального подхода неопытного автора – излишней эмоциональности, описательности вместо анализа конкретной ситуации.

В последующие дни были напечатаны еще четыре корреспонденции из Ярцева (№99. 9мая; №106. 16мая; №114. 24мая; №120. 30мая) Одна из них сообщала об экономических требованиях к владельцам фабрики, в других появился определенный политический подтекст: рабочие выразили сочувствие арестованным социал-демократам, пока поезд с арестантскими вагонами стоял на станции. Отмечен рост политической сознательности пролетариев, пришедших «посмотреть на политиков», послушать их речи: «подносили цветы, булки, папиросы».

Переход от социальной журналистики к партийной заметен в двух последних материалах (№131.10 июня; №134. 13июня). Рабочим, предъявившим петицию, администрация пригрозила закрыть фабрику.

Владелица же предприятия Хлудова «заплакала и сказала: "Сейчас я ничего не смогу сделать, потому что дом и ковры продала. А если вы совсем фабрику закроете, то я совсем пропаду". Рабочие, конечно, поверили, и согласились работать на старых условиях. Отслужили молебен, администрация детям раздала конфеты, а взрослым давала денег на водку. Так кончилось всё наше рабочее движение», - иронично завершает Беляев. Последние корреспонденции сообщают о маёвках в Ярцеве, организованных приезжими социал-демократами. Указанные материалы подписаны по-разному: инициалами «Б.Р.», а также «Б.Р-нь».

В социал-демократах и эсерах молодого Беляева привлекали бескомпромиссность, открытое признание несправедливости мира. Эта тема неожиданно преломляется в публицистической статье «Народная лирика» (1907. №104. 27апреля), утверждавшей, что частушки (припевки), сочиняемые деревенской молодежью, отражают взгляд на текущие события и разлагающийся старый строй. Однако революционный студенческий радикализм сменился надеждами на парламентские реформы – Государственную Думу. Народные песни свидетельствуют об этих надеждах: «Скоро речка разольётся, / Скоро травы расцветут, / Скоро Дума соберётся, / Скоро волю нам дадут». Взгляды автора были близки редакции «Смоленского вестника», который после очередного запрещения вернул прежнее название и сохранил демократическую ориентацию.

Социальные публикации данного периода характеризуют Беляева не как корреспондента-профессионала, а как любителя, «гражданского журналиста» (используя терминологию сегодняшнего дня). Его темы – поддержка социально незащищенных слоев, потребность в социальной справедливости.

Социально-культурный аспект

Во второй половине 1907 года публицистическая и организаторская активность А. Беляева перемещается в привычную для него с юности сферу

театрального искусства на сцене смоленского Народного дома, ставшего центром общественной жизни города. Здесь устраивались спектакли, концерты, лекции и чтения для рабочих, мещанской публики, учащейся молодежи.

После окончания Демидовского лицея в 1909 году социальная, просветительская, культуртреггерская деятельность становится особенно интенсивной. Беляев - член двух комиссий Общества изящных искусств, член правления Симфонического музыкального общества, Общества содействия физическому и умственному развитию, Общества изучения Смоленской губернии. Разочарованный культурной ситуацией в провинции, Беляев стал одним из учредителей смоленского Клуба общедоступных развлечений, целью которого было «не только предоставление разного рода развлечений и удовольствий, но и культурно-просветительская работа. Не разрешается карточная игра и буфет крепких напитков. Клуб занимается устройством литературных чтений, музыкальных вечеров, лекций, курсов» (1909. №226. 10октября).

По мнению З. Бар-Селлы, «смущает...не то, что каждый раз их не больше 40-60 человек, а то, что всюду и всегда это одни и те же люди. И к какому бы культурному делу ни прикладывали они свои руки, - все они дилетанты... Это взаимное самообслуживание и имитация разнообразных художеств» [2, с.79].

С другой стороны, как утверждает исследователь социально-культурного пространства российской провинции XIX XX вв. Ю.Балашова, «прочная корреляция с субкультурой тесного дружеского круга, литературоцентризм, подвижничество оказываются адекватны специфике региональной медиасреды, в которой объединяются местные пассионарии, культуросозидающие силы на основе принадлежности к одному сообществу, поколению, роду занятий, региону» [1, с.374]. Вовлеченность в общественную деятельность открыла Беляеву новые темы, связанные с «пространством человека» – интеллектуальным и культурным – и

возможностью его развития в провинции. Он пишет заметки «Первая лекция в Смоленском Народном Университете» (1907. №210.6 сентября) о публичной общедоступной лекции приват-доцента Московского университета С.Г. Крапивина по физике «Энергия и ее превращения». Признавая способность лектора доносить сложную информацию интересно и просто, Беляев считает ее затянутой (2 часа), что недопустимо, т.к. лекции в Народном университете «имеют не только образовательное, но и громадное воспитательное значение: они возбуждают умственные интересы, воспитывают духовные потребности».

Резко критическое отношение Беляева вызвали выступления в смоленских учебных заведениях лектора и журналиста Михаила Бернова с лекциями об истории искусства (1913. № 22. 26 января; №29. 5 февраля). Использование «технических средств обучения» в виде «ящика с 5 тысячами световых картин" (диапозитивов) позволяло представить произведения, но пояснения Бернова кажутся Беляеву верхом пошлости: «Леонардо да Винчи подражал грекам, всю жизнь мечтал о красоте, но сам был не очень красив, особенно после того, как упал и сломал нос», «Флора» Тициана – крашенная красавица, а не настоящая блондинка». К очевидной профессиональной несостоятельности лектора Беляев привлекает внимание педагогов и родителей: «Наверное, он найдет публику, которой придутся по вкусу его пикантные замечания. Но меня глубоко возмущает, что он обесценивает произведения искусства, прививает юношеству какую-то специфическую точку зрения, ничего общего с искусством не имеющую».

Завершается цикл фельетоном «Пате-лектор» (1913. №32. 2 февраля) («Пате» - французская киностудия и фирма по выпуску аппаратуры, а ее кинохроника «Пате-журнал» выходила под девизом «Всё вижу, всё знаю!»). Уважаемое звание «лектор» вместе с ответственностью и правом на публичную трибуну присваивают «недостойные и невежественные ораторы, приезжающие просвещать провинцию».

Текстообразующая семантическая оппозиция «столичное-провинциальное искусство» рассматривалась нами ранее в процессе анализа театрально-музыкальных рецензий Беляева, когда его оппоненты воспринимали провинцию как пространство, не способное и не готовое к восприятию «истинного» искусства. В фельетоне «О провинциальных синицах и столичных журавлях» (1912. №184. 17августа) наряду с эстетической аргументацией о необходимости «духовной пищи» (строительства в Смоленске здания стационарного театра) приведены и другие, адресованные актеру столичной труппы Борису Глаголину, дискуссия с которым развернулась в четырех номерах «Смоленского вестника»: «знает ли г. Глаголин, что не только с открытием театра, но даже каждого нового кинематографа в смоленском винном складе рассчитывают несколько рабочих ввиду сокращения потребления водки?»

В расширенном анонсе-отклике «Интересный концерт» (1914. №88. 20апреля) о предстоящем выступлении хора и оркестра женской учительской семинарии Краснинского уезда Беляев подробно поясняет: за четыре год учениц обучил местный священник. Они приехали на концерт за много верст, на простых телегах, «из тех медвежьих углов, где, по нашему мнению, только горланят песни... Будет жаль, если учащиеся, родители и педагоги пройдут мимо этого урока как показателя возможностей в области народного музыкального образования».

Большее разнообразие жанров, усиление аналитического компонента, способность вести газетную полемику по актуальным проблемам свидетельствуют о формировании профессионального журналистского сознания автора. Статьи, заметки, фельетоны содержат признаки публицистики – авторское «я», открытая оценочность, диалогичность и апелляция к общественному мнению.

Социальная экспертиза

Параллельное развитие юридической и журналистской карьеры А. Беляева способствовало росту его профессиональной компетенции в

обоих видах деятельности. . Социально-политическое и культурное просвещение аудитории сменилось правовым и экономическим. В аналитической публикации «К вопросу об открытии в Смоленске городской аптеки» (1912. № 222. 4 октября) Беляев-журналист выступает в роли эксперта по проблеме, которую называет «затрагивающей интересы всех слоев населения», обсуждавшейся на одном из заседаний городской Думы. Им приведены ссылки на недавно принятый закон, позволяющий органам местной власти открывать городские аптеки для конкуренции с частными. Доказывается польза этого начинания и для городского бюджета, и, что еще важнее – для жителей: существенное снижение цен на лекарства, улучшение их качества. Примеры и сравнительный анализ финансовых показателей работы городских аптек Екатеринодара, Барнаула, Томска, Челябинска, Новозыбкова позволили автору рассчитать и предполагаемые затраты на оборудование аптеки в Смоленске. Предъявленная статистическая и социологическая информация становится серьезным аргументом для власти и городского сообщества в принятии важного решения.

В качестве эксперта по правовым вопросам Беляев выступал в газете трижды. В двух статьях под заголовком «Раздельное жительство супругов» (1914. №96. 1 мая) и «Раздельное жительство супругов. Имущественные права» (1914. №99. 6 мая) прокомментированы основные положения закона от 12 марта 1914 года.

Профессиональные и логичные разъяснения эксперта-юриста о новых правах замужних женщин соседствуют с эмоциональными публицистическими высказываниями: «В жертву принципам нерасторжимости брака принесены многие тысячи человеческих жизней, загубленных этой нерасторжимостью семейных уз»; «закон отменяет паспортное закрепощение женщины». Новый закон он называет «суррогатом», компромиссом, все «имущественные обязательства, выдаваемые мужем жене на случай раздельного жительства, являются "зданием, построенным на песке"». Законодатель, по мнению Беляева-

юриста, так и не сделал решительного шага, требуемого жизнью – не принял закона о разводе.

Неожиданной для провинциальной российской газеты явилась публикация «В самозащите» (1914. №156. 17июля). Громкий парижский процесс накануне Первой мировой войны закончился оправданием присяжными Анриетты Кайо, застрелившей директора газеты «Фигаро» Кальметта, намеревавшегося опубликовать в целях компрометации личную переписку ее мужа, известного французского политика. Беляев приветствовал вердикт, объясняя его необходимостью «защиты частной жизни граждан, куда так бесцеремонно вторгается современная продажная пресса». «Вред диффамации для частных лиц несоизмеримо больше того наказания, которое падает на виновных в диффамации. Оправдывая убийцу, присяжные дали урок беззастенчивым журналистам типа Кальметта, который, к несчастью, распустился махровым цветком и на ниве русской журналистики...»

В смоленский период журналистской деятельности Александра Беляева сформировались и реализовались его представления о предмете, целях и принципах социальной журналистики как в широком, так и в узком смысле: жизненный материал для журналиста – «пространство человека во всем многообразии его связей: с другими людьми, социальными институтами, с самим собой» [7, с.7]. Вера в социальную справедливость, человеческий разум, обличение всех форм угнетения спустя годы нашли отражение в его литературных произведениях.

Литература

1. Балашова Ю.Б. Традиция альманаха как регионального типа прессы // Журналистика в 2013 году: регионы в российском медиапространстве. Сборник материалов международной научно-практической конференции. М.: МедиаМир, Факультет журналистики имени М.В.Ломоносова, 2014. С.373-374.

2. Бар-Селла З. Александр Беляев. М: Молодая гвардия, 2013. (Жизнь замечательных людей) 432с.
3. Ливанова М.В. Четвертая жизнь Александра Беляева (писатель-фантаст - сотрудник газеты "Смоленский вестник") // Русская филология: Ученые записки Смоленского государственного университета. Т.17. / сост. и ред. М.Л. Робацкина, Э.Л. Котова, А.А. Азаренков. Смоленск: СмолГУ, 2017. С.269-275.
4. Неизвестный Александр Беляев / сост. А. Андриенко. Иерусалим: Млечный путь, 2012. URL: <https://profilib.net/chtenie/33248/anna-andrienko-neizvestnyu-aleksandr-belyaev.php> (дата обращения 25.05. 2018).
5. Смоленские годы Александра Беляева: сб. / сост. В.И. Грибоедов. Смоленск: Свиток, 2014. 64с.
6. Фролова Т.И. Гуманитарная повестка российских СМИ: журналистика, человек, общество. М.: МедиаМир, 2014. 352с.
7. Фролова Т.И. Социальная журналистика и ее роль в общественном диалоге. М.: Пульс, 2003. 44с.
8. Фролова Т.И. Социальная проблематика // Проблематика СМИ: информационная повестка дня. М.: Аспект Пресс, 2008. С.98-142.

M.V. Livanova

Social Journalism of Alexander Belyaev

(by The Material of the Smolensky Vestnik Newspaper)

Key words: Alexander Belyaev; Smolensky Vestnik newspaper; social journalism; everyday life of the province.

The article deals with journalism of Alexander Belyaev, science fiction writer, "Soviet Jules Verne" in the pre-revolutionary period (1906-1915). The main attention is paid to the analysis of the low-studied articles and notes in the Smolensky Vestnik newspaper connected with the problems of social justice, education, culture and everyday life of the provincial town. Such aspects of the

writer's social journalism as social class, social cultural, social examination are investigated.

Источник: Русская филология: Ученые записки Смоленского государственного университета. Т.18. / Сост. и ред. И.В.Романова, А.В.Королькова. Смоленск: Свиток, 2018. С.249-257.